

Борис
Георгиев

Мясо, прощай!

роман дель арте

Борис Георгиев

Мясо, прощай! роман дель арте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977712

ISBN 9785447489069

Аннотация

В круге света автор в костюме шута. Автор (зрителям): Представьте, вы пришли на карнавал – там будет весело; любовь, вино и пляски, красотки, умницы, бродяги и шуты, герои, трусы... вы – под маской. Ну что же вы стоите у дверей? Вперёд, смелей! Ведь это понарошку! Нет, погодите. Выпущу зверей – принохивать следов дорожку (бренчит ключами, отпирая клетки). Пора, намедни выпал снег. Следите! Стоит вам поторопиться. Но не спешите спеть «Carne vale!», пока не знаете, с чем надо распротиться.

Содержание

Глава без номера	5
Глава I	7
Глава II	24
Глава без номера	34
Глава III	37
Глава без номера	44
Глава IV	51
Глава V	66
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мясо, прощай!
роман дель арте
Борис Георгиев

© Борис Георгиев, 2016

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава без номера

История с одним неизвестным

Сельская улица выглядела мирно: пять или шесть коттеджей по одной стороне, столько же по другой – до перекрёстка, но Бродяга знал: первое впечатление обманчиво. Однажды он брёл по такой же пустой улочке, и всё было спокойно, пока деревянный забор не стал с треском и визгом плеваться щепками. В тот раз спасся чудом. Как? Он не знал. За оклицей на него напала стая собак; может, поэтому и случился провал в памяти. Собак Бродяга ненавидел горше, чем людей, но понимал лучше. Они, как и он сам, искали еду и старались избежать опасности; они нападали, когда чувствовали себя сильнее, и спасались бегством, наскочив на сильного противника, а люди... Сначала участливо, даже вроде бы ласково расспрашивали, а после вдруг стали бить. Людскую речь Бродяга не понимал, не помнил даже, понимал ли раньше. Чего они от него хотели? Он так и не узнал, потому что случилось чудо: сарай, где его заперли на ночь, сам собою развалился. Вместо корявых досок и балок Бродяга увидел освещённые заревом тучи, а ворота – крепкие, вечером пробовал их проломить – рухнули с таким грохотом, что Бродяга надолго оглох. Странно, что от падения деревянной воротины может получиться такой шум, но мало ли вообще в ми-

ре странного? Деревня превратилась в огромный костёр – удивительно, но не страшно и даже весело. Бродяга смеялся. Выбравшись к лесу, обернулся; оскалился, щурясь на пламенные сполохи, и выкрикнул какие-то слова. Наверное, той ночью он ещё помнил, что они означают, но это было давно. Потом сколько-то раз опускалась ночь и начиналось утро. Это не заботило Бродягу, тьма отличалась от света тем, что неудобно искать еду, бежать и вообще невозможно, не видно дороги, того и гляди – сверзишься в яму и переломаешь кости, зато прятаться и отдыхать удобнее, чем днём, никто не потревожит и не сгонит с нагретого места. Он отлёживался ночью, а днём искал съестное, потому что всё время был голоден. Если бы не еда, не совался бы к людям. Обжитые селения легче и безопаснее обойти стороной, ночевать лучше в развалинах, которых попадается много, но там еды почти никогда нет. Однажды нашлась – после того случая он особенно тщательно осматривал руины, надеясь отыскать стеклянные банки с неописуемо вкусным мясом – но такого чуда более не случилось. Сколько ни съешь за один раз, на всю жизнь не насытишься; всё, что унесёшь с собой, скоро кончится; остаться рядом с едой не дадут люди или собаки. Жаль, очень жаль.

Глава I

Размышляет Марина

«СТОП. Контроль», – прочла я. Чёрным по белому полю написано, кровавым кантом обведено. Дорожный знак, криво прикрученный к трубам переносной оградки. Кладбищенское какое слово выскочило: оградка, – да потому что выглядела она уныло, приткнутая у края дороги. Одну ногу выставляла на асфальт, другую увязила в грязный снег. Точно как на таможне. Что за притча, откуда таможня? Граница на севере, ехали мы на юго-восток. Солнечное пятно в тумане прямо по курсу над трассой висело, потом нырнуло в чащу, снова вынырнуло. Он ещё сказал, похоже на яичницу, и я подумала, корявая метафора, но действительно похоже: желток на серой разогретой стали, или даже не на яичницу, нет. Масло томно ползёт по сковороде, плавится, а сверху из поварёшки льют белое, и... Шс-с! Растекается, шипит от злости блин. Масленица. Не сегодня, на следующей неделе. Сегодня пятница, тринадцатое. Хороший день. Но почему же всё-таки... Справа «СТОП. Контроль», а слева? Стекло холодное, мутное, видно плохо. Туман снаружи, а изнутри запотело. Протереть? Я ладонью. Мешки какие-то на обочине штабелями, толстяки в жёлтых жилетках возле другой оградки.

– Блокпост, – прокомментировал Яша. А я думала, он задремал.

Ага, блокпост. Понятно.

На встречной полосе остановилась маршрутка. Интересно, что станет делать водитель. Шею вытянул, пригнулся к рулю, смотрит на этих в жёлтом. Народу полно у него в запотевшем салоне. Все как один: равнение на... пр-раво! Яшкина глупая бородатая хохма. Да потому что государство, говорит, правовое у нас, поэтому: «Внимание! Все! Равнение на... пр-раво!» А справа возле мешков с песком эти толстые в жёлтых жилетках, с автоматами, переговариваются лениво, курят, гутарят. Смеются. Один, просмеявшись, не глядя махнул рукой: проезжай.

«Ты отказала мне два раза; не хочу, сказала ты, вот такая вот зараза девушка моей мечты!» – орало у нас в салоне радио. Русское радио.

Встречная маршрутка тронулась. В город. А мы? Почему так долго? Всё, поехали.

Мимо проплыл прицеп фуры, её заляпанный грязью кузов и свёрнутая в кювет тупорылая кабина с распахнутой настежь дверью. Оттуда свесился, держась одной рукой за дверь, мордатый небритый водила, ражий, расхристаный, с агрессивно выставленной челюстью: «Чего?! Ну чего вам ещё?!»

«Ты отказала мне два раза, не хочу, сказала ты...»

Я мельком глянула на Яшу. Не спит, но и не здесь.

«... вот такая вот зараза девушка моей мечты», – надрывалось радио. Ночь у них на дворе, пёс у них в конуре, а птичка, сами понимаете, кричит кукаре. Птичка-кукарейка. Русское радио. Что у маршрутчиков, что у таксёров, что у нашего шаттлобомбилы – у всех. А вид какой на себя напустил! Когда Яша на стоянке к нему в стёклышко ногтем: стук-стук. Надменный такой выглянул, щёки шире плеч: «Трансфер? А вы кто?» Яша ему:

– Кохановский, два человека. Посмотрите в списке.

– Нету у меня никаких Кохановских, есть Каза... Зараза, ну и написал же – не разобрать. Каза... нов? Карлючки. Каза-новс... Чёрт его, может кий... или не кий. Как вы сказали?

– Ко-ха-нов-ский.

– Ну вот, а у меня Ка-за-нов-ский. Нате вот, читайте.

Я не выдержала, фыркнула. Смешно. Яша терпеть не может, когда коверкают его фамилию, закипает мгновенно, что твой казан, крышкой разве только не тарахтит. Пришлось вмешаться.

– Это одно и то же, – сказала я подойдя. Яшу взяла под руку. – Кохановский, Кагановский, Казановский... Какая вам разница? У вас тут написано «двое». Нас как раз двое.

– Что значит одно и то же?! – возмутился Яша. Яков, Иаков, Джейкоб, Джакоб.

Водитель таращился то на меня, то на него.

– Мне позвонить на ресепшн? Или сами справитесь? – заинтересовалась я, подарив бедолаге улыбку.

– Мгм – промычал водила и отвернулся, стал шарить справа от кресла, ища телефон.

– Да-да, сейчас, – буркнул Яша.

Я поймала его за руку: тоже собирался звонить. Смех и грех. Ведёт себя иногда как... Вчера вскинулся, когда я сообщила ему: «Ну вот. Никуда не еду».

– Как так, не едешь?

Ну как-как. Вот так. Нашла меня по телефону Дашенька Анатольевна и вывалила новость: господин новый губернатор желает нас осчастливить визитом, и все, кто не спрятался, просто обязаны хотеть с ним встретиться в понедельник, в тринадцать-ноль. Примерно. Знаю я это «примерно». Соберут нас в актовом зале, напихают как шпроты в банку – туда загонят через рамку, обратно выпускать будут только по особому разрешению – промаринуют примерно с пару часов, потому что господин губернатор обязательно задержится. Потом он явится под камеры, станет нас радовать перспективами и учить беззаветно любить Родину. Или не явится, это более чем вероятно. Не до нас ему, в стране война. Или не война. Они ещё не решили: война или мать родна. Но Дашенька Анатольевна за меня определилась, записала в желающие встретиться и отправила начальству на утверждение. «Ты ведь не против?» Какая разница, против ли я, если список наверх отправлен и наверняка уже согласован? Безразлично теперь, что нет у меня желания общаться с господином губернатором, а хочется бросить всё и закатиться

с Яшкой хоть на недельку туда, где не будет ни губернаторов, ни умненькой Дашеньки Анатольевны, ни начальства, ни учебных планов, ни совещаний, ни шестидневной бесконечной рабочей недели... Раз в полгода выбрались! Вдвоём! Свинство.

Всё это я ледяным тоном сообщила Якову – он как раз заглянул спросить, куда подевались его плавки. Сказала ему, что не еду, и проследила, как маска притворного недовольства сползает с выразительного лица. Это к вопросу о том, что нужно сделать, чтоб обнажить истину. Физиономия у него стала, как у ребёнка, у которого отобрали игрушку. Нет, не отобрали даже, а показали, повертели перед носом – чтоб рассмотрел и потянул руку – и... Не дали, спрятали. «На кой ляд я нужна губернатору? А Яшке вон как нужна. Может, хоть на пару дней... Утром понедельника вернёмся», – подумала я и сказала:

– Плавки на верхней полке. Купальник мой там же, кажется. Прихвати, а?

– Зачем?

Уныло так протянул: «Зачем?» Глаза, как у пса, которого сутки гулять не водили. Сник, бормотать стал, что забронировал, проплатил, трансфер заказал, полгода ждал, и... что теперь прикажете: снимать бронь? Я слушала и думала: ну да, всё псу под хвост: банька сразу после приезда, бассейн, прогулки по зимнему лесу, каток, а вечером вместо осточертевших учебных планов...

– ...обсудить с тобой хотел кое-что новенькое, – нудил Яша, глядя в окно, где ночь и городские огни.

Я сказала, что можно в пятницу, как и собирались, выехать, а вернуться в понедельник утром. По сокращённой программе.

– Ненавижу, когда меня сокращают, – отозвался Яша.

– Тогда снимай бронь. Потом как-нибудь съездим, – сказала я, исподтишка следя за Яковым. Отмены Кохановский не любит куда больше, чем сокращения. Мысленно суфлировала: ну давай, скажи: ладно, едем на пару дней. И тут вдруг стало мне страшно: вот сейчас он брякнет: «Ну ладно, я сам поеду». Что я тогда?

– Ну ладно... – выцедил он, помолчал, вздохнул.

Что я без него тут одна?.. А он? Что он там без меня?

– Пойду сниму бронь, – сказал Яша. И ушёл. Дуралей. Я выдохнула. Сердце из груди выпрыгивало. Фу, глупость, чего это я? Из-за какой-то поездки. Вот так он со мной всегда и обходится. Ко всем чертям господина губернатора! Ещё чего выдумал, встречаться со мною, когда у меня уже назначена встреча с Кохановским. Что делать? Только быстро, пока Яшка не снял бронь. Список приглашённых не сам наверх отправился, каждой бумажке нужны ножки; не исключено, что бумажка на столе у Тамары нашей Леонидовны ждёт, пока Томка соизволит ножками на шпильках снизойти с седьмого этажа на второй. Обычно она не торопится. Я живо отыскала номер Тамары и нажаловалась в трубку, что

вот в кои-то веки собралась выбраться и намылилась смыться – на недельку, всего делов! – отдохнуть-выдохнуть, а Дарья Анатольевна, меня не спросивши, тиснула в список.

– Звезда с ушами, – сказала Тамара.

– Кто?

– Дашка. Даже и не думай.

– Что?

– Являться не думай, я тебя вычеркиваю.

– А губернатор?

– Он тоже. С ушами.

Знала я, что Тамара Леонидовна Дарью на дух не переносит, потому и звякнула ей. Как оказалось, к господину губернатору тоже равнодушна. Тем лучше. Я выслушала, что Томка думает про губернатора и встречу с ним, потом ещё про то, куда губернатору следует отправиться с официальным визитом, засим я высказала предположение, что всё равно он наверняка не явится, на том мы и покончили со встречей и губернатором. Томка спросила: «Куда хоть едешь?» Я ответила: пока не знаю, Яков куда-то похищает. Какой-то карнавал. Тамара Леонидовна вместо напутствия пожелала, чтоб мы там счастливо покувыркались, и повесила трубку. Слово какое выдумала: «покувыркались»! Надо запомнить. Я поймала себя на том, что красна и улыбаюсь. Яков... Яша?

– Яша! – крикнула я. – погоди! Бронь!

– Что? – спросил он, сунувшись в дверь. – Бронь?.. А я что делаю?! Не могу дозвониться. Странно, вроде говорили

пусто у них, а теперь занято и занято.

– Не отменяй. Мы едем, – сказала я победно.

Виду не подал, что рад. Но я же знаю. Хотелось завопить и пройтись колесом или хотя бы на шее у него повиснуть, но я не стала. Не подала виду. Как он со мной, так и я с ним. И вообще, надо сдерживать порывы, куча проблем из-за неумеренной страстности – и моей и его. Два сапога пара. Яша тоже хорош; авантюрист, вечно попадает в истории, поэтому и не люблю его одного отпускать. Надо чтоб кто-то вовремя схватил за локоть, а если удержать не получится, что ж... Попадать, так вместе. Но обычно получается держать его в рамках, вот как с шаттловодителем – не будь меня рядом, точно сцепились бы, а так – водила позвонил на ресепшн и весь заряд негодования выпустил в трубку, а Яков, возмущённый моим заявлением, что кохановские, кагановские и казановские – одно и то же, пустился в лингвистические разглагольствования, стравил пар, выдохся и успокоился. Вот, буравит пустым взглядом спинку переднего кресла, и видно: не здесь он и не сейчас, а там и тогда, где и когда кое-кто из кагановских стал кохановским, а кое-кто – казановским. Яша мой, Джакоб. Рука его с подлокотника безвольно свисает, как змея с ветки. Ну почему я не змея? Скользнуть по груди, обвить шею, щекотнуть Яше раздвоенным языком ухо, заглянуть в глаза, вытащить его из каких-то там мыслей, из – где он там? – испании, польши, италии какой-нибудь задрипанной или франции, чтоб он был со мною здес-

сь и сейчас-с... Но нет.

Держи себя в руках, ещё не приехали, подумала я и глянула снова в окно. Белым-бело, и – боже, какой туманище!

Дорога заметена, скользит по ней гостиничный шаттл, как нарты по мёрзлой реке, летят навстречу обледенелые берега, заснеженные, молочно-белые. Из парной мглы выскакивают, щетинясь кустарником, рябые откосы холмов, провалы оврагов, частоколы древесных стволов – промелькивают, чтоб тотчас нырнуть в туман где-то там позади, как будто растворяются, становятся паром, туманом и снежной пылью, мелкой, нежной; оглядываться не хочу, для этого голову нужно от подголовника оторвать, но мне лень и даже пошевелиться лень, не то что повернуться. Смотреть не могу туда: до боли в глазах снег, снег, сне...

– Что за текст идиотский!

Я вздрогнула, очнулась. Какой текст? Мы что, уже обсуждаем?

«А снег идёт, а снег идёт, и все мерцает и плывёт», – поагузаровски покрикивало во всю ивановскую русское радио. Просто я задремала, ничего мы не обсуждали, да и обсуждать пока нечего, Яша собирался на отдыхе идеями делиться и набрасывать план. Тогда о чём он?

«За то что ты в моей судьбе, спасибо, снег, тебе», – крикливо благодарило аудиофила-водилу русское радио.

А, Яша про песенный текст. Но это же Евтушенко, его вина. Как там? «Мой самый главный человек, взгляни со мной

на этот снег...»

– Рифмовать «идёт» с «плывёт»!.. – возмутился Яков.

– А также «судьбе» и «тебе», – поддержала я, украдкой зевая в кулак.

– Укачало?

– Есть немножко. Кажется, я задремала.

– От такого текста кого хочешь укачает.

– Яша, это Евтушенко.

– Да? Не знал. Но всё равно: ждёт-идёт, хочу-молчу. Халтура.

Много ты понимаешь, подумала я. Вот я тоже хочу, но молчу. Хочу, чтоб глупый человек взглянул со мной на этот снег.

– Зато художественная правда, – возразила я. – Выгляни в окошко.

Соизволил повернуть голову. Пейзаж польщён, его заметили. А меня? Дам тебе горошка.

– Туман, – изрёк Яша.

– Обман, – отозвалась я.

– И лес.

Действительно, за окном мелькали сосновые, с белёными боками стволы и отягощённые ватными комьями игольчатые лапы. Никакого обмана, и правда – лес. Пока я искала, с чем бы его срифмовать, стволы-лапы-иглы кончились.

– Исчез, – машинально выдала я.

– Потому что приехали. Река.

Замёрзшая? Нет. Вода, как чёрное зеркало, и над водою пар. Берегов не видать; мелькание стоек, стальные перила и над ними туман. Дым над водой Стикса. Что это? Гул, как будто идёт на взлёт шестимоторный...

«Путин послал российских экспертов, – провокаторским тенорком вещало радио – анализировать ситуацию в районе Дебальцево. Как сообщает агентство УНИАН со ссылкой на...»

Уж послал так послал. Со ссылкой на.

Басовый гул. Неужели никто, кроме меня, не слышит? Ни Яша, ни прочие.

Я огляделась в замешательстве. Полный салон набился. По дороге шаттловодитель подбирал какой-то люд, Яша шепнул, что это персонал едет на смену: официанты, повара, горничные, охрана. Поднимаясь в салон, они привычно здоровались – кто как: тепло, равнодушно, игриво, – и я гадала, кто есть кто: официант? повар? охранник? Вот этот вот двухметровый в очках, который подсел к водиле и стал ему бухтеть в правое ухо, какая сегодня дорога плохая и видимость, а после, перекрикивая радио, принялся травить тупые анекдоты. Охранник наверное. А девчушка, которая в салон задыхаясь влетела? Кто она? Физиономист из меня так себе, Яша сто очков вперёд даст. Сходу, глянувши мельком, определил: это, говорит, помощник администратора. Незамужняя студентка, двадцать один или два года, комплекс вины и заниженная самооценка, лгунья притом. Как узнал? Сочи-

нил, и наверняка пальцем в небо, знает, что проверять не стану. Зачем? Суетливая служащая, может, и лгунья, а Яша – нет. Фантазёр и сочинитель, этого не отнимешь, но я ему верю. Надо же хоть кому-нибудь верить, когда вокруг столько лжи.

«...заявление Дмитрия Пескова», – уверял развесёлый те-
нор. «И что же он заявил?» – Это второй ведущий. Два кло-
уна: весёлый и не очень. «Все поручения даны», – ответил
весёлый. «А, ну тогда конечно. Если поручения даны, тогда
я спокоен». «Вместе с тем пресс-секретарь Путина не уточ-
нил, на каком уровне будут представлены эксперты с россий-
ской стороны...»

Тошнотворная болтовня. Но что это гудит так страшно?

– Ты чего всполошилась, Маришка?

Заметил, что мне не по себе. Чутьё отменное, а гула
не слышит.

– Что это гудит?

Шевельнул бровью, удивлён. Прислушался. В углу губ
складка. Разгладилась. Понял?

– Мост стальной. Гудит под колёсами.

Я выглянула, пришлось щекой прижаться к стеклу. Дей-
ствительно: коряво сваренные листы – обмёрзшие, ржавые,
однако в проезженной колее сияет полированная бесчислен-
ными колёсами сталь. Откуда Яша знает, что мост сталь-
ной? Я у окна, ему оттуда не видно. Не глядя, мигом отве-
тил, дескать, гудит под колёсами стальной мост. Почему про-

чие на гул ноль внимания – понятно, много раз слышали, но Яша? Бывал здесь и раньше, мне почему-то не рассказывал.

«УНИАН сообщает, сегодня, тринадцатого февраля, координатор группы „Информационное сопротивление“, народный депутат Дмитрий Тымчук заявил, что в районе Дебальцево на фоне переговоров в Минске зафиксировано резко возросшее количество регулярных российских войск...»

На полуслове, как будто ладонью диктору рот закрыли. Заглох двигатель шаттла, пассажиры загомонили.

– Мариш, выходим. Пойдём же, надо забрать шмотки.

Полусонным был всю дорогу, теперь встрепенулся. Подгоняет, будто от меня зависит, чтоб не тянулось время. Ждать и терпеть – не для него; ожидание ненавидит лютой ненавистью, неподвижности не выносит. А я люблю постоянство. Удивительно, как мы уживаемся? Чемодан ему срочно понадобился, надо же.

Чемодан чемоданом, а мне руку всё-таки подал, когда неспешно спускалась по осклизлым автобусным ступеням. И не только мне. Меня аккуратно извлёк, затем ещё врушке-студентке предложил руку. Сволок её, послушал писклявое благодарственное слово, проводил взглядом.

– Молодой человек! Чемодан забирать будете?

– А? Да.

Кинулся, мигом вернулся, таща за собою глухо грохочущее наше шмотковместилище. Шёл гоголем. Ещё бы: моло-

дым человеком назвали. Неисправим. Пока не пробует молодиться, выглядит как мальчишка, но только лишь вспомнит про возраст – всё. Становится похож на внезапно постаревшего мальчика, все свои неполные пятьдесят добирает.

– Приехали! – счастливо выдохнул вместе с паром Яша. Смотрел куда-то поверх моей головы.

Я уцепилась за его куртку – скользко, под ногами бугристая наледь – и оглянулась.

Обросшая лесом туша горы, седые от инея кочны сосновых крон, стражи-ели по краям проплешин; сетчатый забор, в объезд него дорога, лепятся к ней домишки, из труб дым. И не разобрать где дым и где туман – вот надымили-натуманили, всё вокруг затянуло: гору, реку, дорогу, сетчатый забор, к которому боком притёрся гостиничный шаттл – белый, с венецианской карнавальной маской на капоте и надписью «Карнавал». Не заметила надписи, когда садилась. Это что же, так гостиница называется? Яша сказал «карнавал», и я подумала... но это неважно. Вот и на заборе тоже карнавальная маска и пляшущие буквы «Карнавал». А это что? Надо думать, проходная. Забавно.

Неизвестный архитектор от души развлёкся, декорировав проходную под облепленный наклейками чемодан. Париж. Москва. Венеция... Ручки у него не имелось, зато сбоку прилеплен был похожий на длинную полосатую карамельку шлагбаум.

«А мне здесь нравится!» – подумала я, вдохнув холодный,

с дымком воздух, но Яша не дал прочувствовать момент, даже выдохнуть я не успела, была подхвачена под руку и утащена: мимо карамельного шлагбаума, мимо камуфляжного, с багровой бычьей шеей, охранника, собравшего вокруг себя стайку сотрудниц, по расчищенной – однако местами скользковатой! – тропке; вдоль широчайшей стоянки – пустоватой, четыре или пять машин всего, – по плитчатым щербатым ступенькам, – куда?

Чтобы не поскользнуться, я смотрела под ноги, и только ступив на хорошо расчищенный асфальт, глянула, куда меня бесцеремонно тащат. Вот это да! Архитектор не ограничился полумерами; чудить так чудить, карнавалить так карнавалить, решил он, превратив остеклённое зданьице в барабан. Но этого ему показалось мало, и он уложил на плоскую круглую крышу – что бы вы думали? – шляпу. Чёрный лощёный цилиндр великана. М-м... шляпа? Кто? Наверняка не архитектор.

Я глянула искоса на Яшу: тот, вытянув нос, уверенно влёт одной рукою грохочущий колёсами чемодан, другой – как непочтительно! – тащил меня к зданьицу-барабанчику. Интересно, кого здесь считают шляпой. Надеюсь не гостя? А, так ведь под шляпой у них ресепшн!

Я увидела Яшу, чемодан и себя в зеркальном отражении, но рассмотреть не успела – с шелестом разъехались двери.
– Здравствуй... – начал Яков, запнулся, приостановился на пороге, потом тоном ниже добавил: «...те».

Что с ним? Как будто привидение бледное смертеподобное нашёл за стойкой вместо администратора. Девушка как девушка: обыкновенно-административная, дежурно-улыбчивая и вовсе не бледная. Брюнетка. Белоснежная блузка с остроугольным воротничком, чёрный жакет, сама корректность.

– Яков Кохановский, – склонив голову набок, сказала она. Не спросила, отметила как бы про себя, но довольно громко. – Здравствуйте, добро пожаловать в «Карнавал».

Не «в», а «на», – машинально подумала я. Что-то неуловимо театральное было в приветствии; не получалось отделаться от ощущения, что реплика адресована не нам с Яшей, а зрителям в зале, которые где-то там, за нашими спинами. Откуда она узнала имя и фамилию? Ну, это просто. В автобусе, кроме нас, гостей не было, и к тому же водитель час назад звонил ругаться как раз по поводу фамилии. Она видела, как мы вышли из автобуса. Вроде ничего странного, а Яков обескуражен. Бросил чемодан, меня оставил, мигом оказался у стойки лицом к лицу с администраторшей, и – могу поклясться, хоть мне и не видно было лица – не просто разглядывал, ел глазами.

– Ле... Елена?

С запинкой опять. Да что с ним такое? Имя, конечно же, прочёл на бейдже. Приметлив, как и всегда, но... Почему заикается? Вообще-то смутить его непросто. Ненатурально получилось: «Ле... Елена». Оглянулся к тому же, как будто

от меня ждал чего-то. Никак я не могла избавиться от ощущения, будто меня вытолкали на сцену вместе с Яшей и этой Леной-Еленой. Мимоходом сообразила, что на бейдже скорее всего «Елена», а не «Лена» написано, но реплики от меня Яша не дождался. Просто потому что не сразу поняла, что это значит.

– Я... Мы бронировали номер, – лепетал Кохановский совсем уж ненатурально, как будто с ужасным наигрышем изображал смущение, которого на самом деле не испытывал. Ну точно: театр.

Глава II

Карнавал. Добро пожаловать (Одноактная фантазия)

Круглая сцена, похожая на барабан, диаметрально разделена надвое стойкой. На сцене трое: Марина и Яков, одетые как пьеро и пьеретта, – перед стойкой, по другую сторону, в лунном круге прожекторного света, Елена, обряженная арлекином. На заднике сцены вразнобой отсчитывают время круглые аэровокзальные часы-Париж, часы-Берлин, часы-Москва, часы-Киев, часы-Вашингтон, над ними карнавальные венецианские маски. На стойке разлетевшаяся веером пёстрая стопка проспектов, кофейная чашечка и тарелка с надкушенным яблоком.

Яков (*смущённо*). Я... Мы бронировали номер.

Елена. Вы? (*разглядывает Марину, воровато схватывает яблоко, откусывает, кладёт на тарелку*) Бронировали, но не вы. (*поспешно жуя, вполголоса, скороговоркой*) Номер бронировали-бронировали, да не выбронировали. (*с трудом глотает*)

Яков. Вам надо поработать над артикуляцией. (*преувеличенно артикулирует*) Надо бы бронь перебронировать-перевыбронировать, надо бы номер перенумеровать-перевыну-

меровать.

Елена. Пе-ре-вы-бро-ни-ро-вать? Не получится, все номера заняты.

Яков. Шучу. Мы просто хотели въехать в номер, который...

Елена. Паспорт, пожалуйста.

Яков (*вытаскивает паспорт, кладёт на стойку*). Надеюсь, одного моего достаточно? (*оглядывается на Марину*)

Марина (*с укором*). Яков!

Елена (*икает под прикрытием ладони*). Ик! Простите. Кто-то меня вспомнил. (вполголоса скороговоркой) Икотка-икотка, перейди на Федотка, с Федотка на Якова, с Якова на всякого.

Яков. Ну и как же зовут вашего всякого?

Елена (*делает вид, что не расслышала вопроса*). Есть маленькая проблемка.

Марина (*подходит ближе*). Нужен мой паспорт?

Елена. Нет, это необязательно, я не ЗАГС. Дело в том, что поселение у нас с четырнадцати, а сейчас девять.

Яков. Можно это как-нибудь уладить? Я могу оплатить раннее поселение.

Елена (*меряет взглядом Марину*). Не слишком ли раннее? Впрочем, мне всё равно, я не ЗАГС.

Марина. Мы не брак заключать приехали. Скажите, у вас в гостинице принято хамить постояльцам?

Елена. Мы стараемся найти к каждому гостю особый под-

ход. (*Якову*) В бронированном вами номере невозможно раннее поселение, оттуда ещё не съехали. После полудня освободят, потом там надо будет убрать и... Могу предложить другой номер, раз жениться вы не собираетесь.

Яков (*поспешно*). Великолепно! Сколько я вам должен? За раннее поселение.

Елена. Мне или за поселение? Мне, пожалуй, нисколько, а за поселение триста.

Яков (*отсчитывает деньги*). Пожаловать пожалуй, вот пожалуйста.

Марина. А я бы ещё пожаловалась.

Елена. Жалуйтесь, хоть я и не ЗАГС. (*Якову*) Вы всерьёз хотите? Пожаловаться.

Яков. На вас? Нет.

Елена. Тогда пожалуйте мне. Я привыкла выслушивать жалобы от всякого, приму и от Якова. (после паузы) Вот вам ключи. (*даёт Якову две пластиковые карты с изображением карнавальных масок*)

Яков. Спасибо.

Елена. Да не за что.

Марина и Яков, взявшись за руки, спускаются со сцены, Яков тащит чемодан. Прожектор, лунно освещавший Елену, гаснет. Сцена вращается. Создаётся впечатление, будто Яков и Марина обходят её кругом. На заднике сцены, как на экране, зрителю показывают чёрно-белую кино-

хронику. Там гора, поросшая лесом, у подножия зданье в форме барабанчика с гигантской чёрной шляпой на крыше. В кадр попадают: полупустая заснеженная стоянка, проходная в виде чемодана с наклейками, сетчатый забор, белый автобус с карнавальной маской на капоте. На склоне горы тут и там бревенчатые коттеджи. Расчищенная дорожка приводит зрителей к гостиничному многооконному корпусу. Марина и Яков переговариваются по дороге.

Марина (в сторону). Почувствовать себя лишней... Ужасно.

Яков. Что? Ты что-то сказала?

Марина. Спросила. Ты бывал здесь раньше?

Яков. Да. Лет тридцать тому. Этого всего (показывает на экран, где гостиничный корпус) ещё и в проектах не было.

Марина (в сторону). Той грубиянке на ресепшн нет тридцати, её тоже в проектах не было. Тебе она годится в дочери.

Яков. Что? Ты что-то спросила?

Марина. Сказала. Вот тебе готовая завязка романа, слушай. Можешь сразу писать в блокнот. Двое, «А» и «В», он и она, приезжают на курорт в тропики, у них медовый месяц. На курорте они встречают «С», туземную девушку – красотку смешанных кровей, та общается с «А» как с давним знакомым. «В» ревнует. Хоть «С» и годится «А» в дочери, между ними завязывается роман, и... Где твой блокнот? Почему

не записываешь?

Яков. Записывать нечего. Это не завязка, а так – ветхая завязочка. Сказать сразу, как развяжется?

Марина (*с вызовом*). Давай. Развязывай.

Яков. Окажется, что твой «А» некогда был на курорте, и «С» приходится ему дочерью.

Марина. Угадал.

Яков. Ещё бы. Сто миллионов раз такое было, сто тысяч раз описано. Старо.

Марина (*в сторону*). Старый зануда.

Яков (*глядит на Марину искоса*). Если бы все, кто годится мне в дочери, в действительности были ими...

Марина. Ужасно.

Яков. Согласен.

Марина. Ужасно, когда тебя принимают за девчонку. Ты слышал, как эта на ресепшн мне: «Не слишком ли раннее?» И про ЗАГС.

Яков (*рассеянно*). И что, ты против? (*поглядывает вверх и в сторону, как будто читает номера на дверях*) Триста пять... триста шесть... Маришка! Вот триста седьмой. Давай, я тебя на руках в номер?..

Яков оставляет чемодан, подхватывает Марину.

Марина. Ай! Прекрати, поставь меня! Джакобишка несчастный... Ну, карточку хотя бы дай, я дверь открою.

Марина и Яков поворачиваются к зрителям, как будто зал это гостиничный номер. Марина сует воображаемую карточку в несуществующий замок, толкает призрачную дверь. Яков с Мариной на руках спускается в зрительный зал, оставив чемодан на авансцене.

Яков. Нет, это никуда не годится. *(отпускает Марину, та неловко спрыгивает на пол, но шею Якова не выпускает; они стоят обнявшись)*

Марина. Что не так? Хочешь ещё один дубль?

Яков *(обмахивает рукой зал)*. Ничего не замечаешь странного?

Марина *(оглядывает зрителей)*. Вроде бы... Нет.

Яков. Кровати односпальные.

Марина. Что за наглость!

Яков. Вот чертовка!

Марина. Кто?!

Яков. Ле... Елена. Администраторша. Не хотелось мне скандалить, но...

Марина *(в сторону)*. Но ей этого хотелось.

Яков. Ну-ка, пойдём!

Яков живо тянет за собою Марину обратно на авансцену, подхватывает чемодан, они бегом устремляются навстречу возвращению сцены, где в прежней позе за стойкой их

ожидает Елена. Кинохроника на экране при этом ускоренно прокручивается в обратном направлении.

Яков. Кажется, придётся устроить...

Марина. И она получит, что хочет.

Яков. Хор-роший скандал.

Прожекторный луч снова выхватывает из полумрака Елену. Марина и Яков направляются к стойке

Марина (с улыбкой). Что-то не так?

Яков (скандальным тоном). Вы прекрасно знаете, что не так. Я бронировал номер с двуспальной кроватью, а в триста седьмом...

Марина. Яша, успокойся. Это какое-то недоразумение.

Елена (Марине). Никакого недоразумения, всё верно. Вы бронировали, но вы ведь и сняли бронь. Сами сказали, что не собираетесь вступать в брак, и я решила: это намёк. Откуда мне знать, вдруг недоразумением была как раз двуспальная кровать. Вот, к примеру, приехала к нам однажды парочка: он солидный такой, она – пигалица. Знаете, как сейчас бывает? Ну, моё дело маленькое, выдала я им ключи, а через десять минут звонок из номера, крик, ругань: почему кровать двуспальная, что за грязные намёки? Оказалось: отец с дочерью. Вот поэтому я и поселила вас в триста седьмой.

Марина. Пигалица?!

Яков. Ну знаешь, Лена, не ожидал от... вас. Верни старый номер. Бог с ним, с ранним поселением.

Марина. Пигалица! Нет, ну надо же!

Елена. Старый номер вернуть никак невозможно; вы сняли бронь, комнату тут же заняли. Гостиница переполнена.

Яков. Что за чепуха! Ни души на территории, как будто все вымерли. Лена, не морочьте нам голову.

Елена. Не морочьте нам голову – это как? У вас на двоих одна? В полдень корпоратив должен заехать, свободных номеров нет. Хотя можно бы...

Яков. Можно бы что?

Елена. Есть один свободный номер с двухспальной кроватью, но я не знаю, подойдёт ли вам оформление. Это номер для новобрачных. Там, знаете ли, всё в сердечках и розочках. Завтра как раз День Святого Валентина, и *(обращается к Марине)* хоть вы и говорили, что он не собирается жениться...

Яков. Чёрт!

Марина *(исподтишка дёргает Якова за рукав, с умильной улыбкой говорит Елене)*. Собирается. Нам подходит оформление, можете поселить в сердечно-розовый номер, потому что мы новобрачные.

Елена *(мрачно)*. Так бы сразу и сказали. Ломаете комедию: «мы в брак вступать не собираемся». Ладно, верните карточки от триста седьмого, вот вам ваши. Совет да любовь, коль не шутите.

Яков (сквозь зубы). Чертовка.

Елена меняет карточки с карнавальными масками на карточки с малиновыми сердечками. Яков спускается со сцены в зал, прожектор-луна держит его в круге света

Яков. Чертовка. Чёртов чемодан. Чёртов день – пятница тринадцатое.

Марина (спускается следом). Не брюзжи. (останавливается в проходе, придерживает Якова за локоть) Разве не смешно получилось? Мне кажется, неплохая завязка для романа. Ты бы записал, забудешь ведь.

Яков. Ты думаешь?

Яков достаёт из нагрудного кармана блокнот и ручку, усаживается в проходе между рядами на чемодан, пишет. Прожектор-луна гаснет. Рёв двигателя, шипение тормозов, на заднике-экране снова чёрно-белая кинохроника: у проходной громоздкие туристические автобусы, обвешанные шариками в виде сердечек. Голос Елены во тьме: «Служба охраны, ответьте ресепшин. Пётр, это что, уже корпоратив заезжает?» Гомон толпы. В зале зажигается свет. Ни Якова, ни Марины нет в проходе между рядами. На авансцене Елена, она обращается к залу.

Елена. Добро пожаловать! Подходите, пожалуйста,

к стойке администратора. Прошу вас приготовить паспорта для регистрации.

Свет в зале гаснет.

Занавес

Глава без номера

История с одним неизвестным

В лицо дунул ветер, сорвал с загрибок снежных куч белую пыль. Бродяга принюхался, запах дыма растревожил нутро. Дым не всегда связан с людьми; бывает, тлеют деревянные балки разорённых домов. Именно так пахло на руинах посёлка, где он нашёл стеклянные банки с едой: дымом и жареным мясом, – однако эта деревня не выглядела разрушенной, как та. Бродяга колебался, опыт подсказывал держаться подальше от целых домов, пусть даже и выглядят нежилыми, но голод оказался сильнее. Он крадучись двинулся по улице. Жался к забору по правой стороне – потому что тот выглядел надёжно: глухой тын в полтора роста. Оглядевшись, Бродяга почувствовал себя увереннее, кое-какие следы разрухи всё же имелись: крыша третьего по счёту дома по левой стороне просела, на глинобитной стене проступили рёбра дранки. В таком доме и спрятаться можно при необходимости, а то и заночевать, если б не жуткие белые изображения на заборе. Он не понимал, почему его пугает шеренга знаков, намалёванных краской по трухлявым доскам, старался на них не смотреть. Он уважал собственные страхи не меньше, чем чутьё, и к тому и к другому прислушивался, считая предупреждением. Выглянув из-за уг-

ла, привычно потянул носом, унюхал резкий, острый запах и тут же заметил опасность – монстра. Эти быстрые чудовища хуже собак. Они взрыкивают, гудят, выпускают вонючий дым, выскакивают из тьмы на трассе, слепят светом. Нельзя понять, чего ждать от этого, белого, с громоздким ящиком на спине. Монстр казался спящим – прикорнул возле одноэтажного придорожного строения – но кто его знает, вдруг нарочно прикидывается. Бродяга надумал улизнуть подобру-поздорову и тут снова учуял запах дыма и жареного мяса. Совершенно точно, пахло оттуда; светлый едва заметный дымок поднимался над крышей одноэтажного домика об одном витринном окне. Бродяга решился подойти ближе. Монстр представлялся ему мёртвым – в белой спине прямоугольная дыра, там, во тьме, что-то пёстрое, издали не разглядишь. Внутренности. Как-то запах жареного мяса связан был с кишками монстра, но бродяга не мог припомнить как. Чудовище не реагировало, удалось подобраться к нему вплотную – на четвереньках. Бродяга хотел заглянуть в нутро монстра, но замер. Людская речь, говор. Там, где дым. Преодолев желание тут же сбежать, Бродяга поднял голову и вытянул шею, готовый снова пригнуться. Ящики, пакеты, ряды бутылок... Банки! Он молниеносно выхватил из ящика две штуки, отбежал, присел. Крышки скользкие, не удержишь. Монстр ни гу-гу. Там у него много банок. Взять ещё? Унести эти, спрятать, вернуться позже? Что-то изменилось. Людской говор громче. Скрипит снег, шаги.

Стукнула калитка. Бродяга кинулся прочь, не чуя под собою ног. Крики сзади. Попался? Бродяга свернул за угол. До леса не успеть, поймают. С банками бежать тяжело, ноги разъезжаются на скользоте. Справа выломана калитка, висит на одной петле. Тот самый глинобитный ободраный дом. Туда. Он протиснулся. Треск! Рукав зацепился. Выпала банка. Прежде чем поднять её, Бродяга выглянул на улицу. Никого? Успел. Подобрал банку, стал искать, куда бы спрятаться, чтобы пересидеть погоню, и нашёл.

Глава III

Блокнот Якова

13.02.2015, пятница, 10:37, «Карнавал», холл возле ресторана «Венеция»

М сказала: «Подожди здесь, заскочу в номер переодеться. Три минуты», – и я решил, успею кое-что записать по свежим следам. Для этого с удобством расположился на бидермейеровском бордовом диване против входа в ресторан, где мы с М отметили заселение в новобрачный номер сносным эспрессо. Выпили в Венеции по чашечке, наблюдая, как похожие на отощавших императорских пингвинов официантки готовят к чему-то зал. Название ресторана я не беру в кавычки умышленно; декоратор украсил стены заведения панорамой с ponte di Rialto и гондолами, пространство перед барной стойкой накрыл полосатым тентом и увидел плющом, – хорошая идея! – и, хоть декорации похожи на настоящую Венецию не больше чем свежеиспечённый блин на полнолуние, я беседовал с М так, будто привёз её в Венецию ради того только, чтобы выпить кофе на открытой веранде с видом на Canal Grande. О деле мы почти не говорили, если не считать серьёзным обсуждение предложенного М зачина a la Guy de Maupassant – этой чепухи про флирт закоснело-

го распутника со встреченной на курорте собственной его внебрачной дочерью. М сказала, что мшелый сюжет можно несколько оживить, сделав распутника добычей юной охотницы, ни в чём ему не уступающей в смысле искусства плести интригу. Дескать, повадился кувшин по воду ходить, яблонька от яблочка недалеко падает и нашла коса на камень, а с косою обычно приходит смерть. Обсуждать такое всерьёз я не стал, сказал только, что идея свежая, хоть за последние двести лет малость заветрилась, засахарилась и покрылась неаппетитной ханжеской корочкой. Про искусство плести интригу могу сказать лишь, что истинная цель манёвров милой спутницы жизни моей – разузнать побольше о давней связи – была разгадана заблаговременно. Полагаю, встреча случайна и не будет иметь последствий; сегодня в полдень Луна закатится – это знаю точно, подслушал в автобусе – а до следующего её восхождения что-нибудь я придумаю. Полководец в осаждённой крепости, узнав, что под стену ведут минный подкоп, должен угадать направление и заложить контрмину, если не хочет в один несчастливый миг обнаружить в стене брешь и неприятельских гвардейцев на рыночной площади.

М в холле, но меня не видит. 11:05. Три минуты, она говорила. Переделалась, охотница. Я обещал сводить её в лес.

13.02.2015, пятница, 12:24, Гомольшанский лес, Казачья гора

Пишу сидя на деревянной лавке беседки, крытой гонтом, покуда М любит вид на реку. Туман, пока мы шли через деревню и поднимались заснеженной тропой по человеческим и звериным следам на гору, рассеялся, и теперь тут есть на что посмотреть. Обзорная площадка устроена на обрывистом берегу; если спрыгнуть с неё, лететь придётся около полутора сотни метров. М сказала: «Тихо как. Посмотри, вода похожа на чёрное стекло. А деревья на том берегу... мешанина ветвей, а в воде каждую веточку видно отдельно. Странно, правда? Удивительно!» Я возразил: ничего удивительного, ракурсы разные. Наблюдатель, по шею сидящий в воде, увидел бы кроны крайних деревьев на фоне светлого неба, а для нас, разглядывающих лесной массив с горы, десятки деревьев накладываются друг на друга, вот и получается путаница. И добавил, что вряд ли мне захотелось бы окунуться в ледяную воду ради того, чтоб разглядеть каждую веточку отдельно. Холодно. Чтоб согреться, нужно... М попросила оставить её в покое хоть на десять минут. Изобразила обиженную девчонку: не разделил восторгов. Что поделать, к пейзажам я равнодушен, меня интересуют люди; именно поэтому соавторство полезно нам обоим. Мне, само собой, не слишком пришлось бы напрягаться, чтоб увидеть глазами М небо, как никогда более похоже на серую твердь со светлой полоской по горизонту, лесную ширь – ровную, тронутую инеистой сединой, как шевелюра стриженного под ма-

шинку молодящегося старика, древесное кружево на том берегу стылой чёрной реки и отражённые в зеркале воды голые ветви, но зачем? Всё это увидит и опишет М – гораздо лучше меня. Но она не заметит, прогуливаясь через вымершее на зиму дачное поселение, название улицы: «Партизанская», – актуальнейшее наименование! – и табличку на заборе: «Номера не сдаются!» – тоже оставит без внимания, а жаль, поскольку тогда несгибаемые номера придорожного кемпинга по улице Партизанской канут в тёмную воду Леты. М разглядывает деревья на том берегу, не замечая человека. Но ведь нету здесь людской мешанины, человек прекрасно виден сверху даже за рекой. Вот он, как диковинный жук на ладони, возится возле надворных построек у крыльца домика размером со спичечный коробок. Нагибается, поднимает поленце, ставит, примеривается топориком и, хакнув паром... Тюк!

Фыркнула крыльями в сосняке Казачьей горы всполошённая звуком птица; в стопятидесятиметровый обрыв с игольчатой лапы посыпалась снежная пыль. М вздрогнула, оглянулась. Увидала меня, сидящего на деревянной лавке беседки, крытой гонтом. Поёжилась. А я ведь говорил! Сейчас подойдёт, скажет, потирая руки: «Х-холодно!» – и тогда я смогу наконец...

13.02.2015, пятница, 13:40, «Карнавал», рецензия

Думаю, М затащила меня после прогулки на ресепшн во- все не потому, что иначе опередили бы нас корпоративные дамы и заняли бы на весь вечер баню. Просто не сдержалась, любопытно ей было ещё раз глянуть на Л, а то и перебросить- ся с нею двумя-тремя колкостями, однако не вышло. В пол- день Л за стойкой сменила та самая студентка, с которой еха- ли утром. Принять заказ и получить оплату за два часа сауны задача не из простых; я оставил М у стойки воевать с юной администраторшей, а сам устроился с комфортом в кресле коричневой кожи: записать, что успел высмотреть на обрат- ной дороге.

Окончательно смёрзнув и проголодавшись, мы решили: самое время выбираться из лесу поближе к людям. Холод подгонял нас, человечьи и звериные следы на снегу мы те- перь оставляли без внимания. Обычно подобная беспеч- ность наказуема, и мы чуть было не поплатились; возле сель- ского магазинчика нас атаковал зверь: ни дать ни взять – об- росшее шерстью полено, ростом с вершок, глупый пискля- вый щен неизвестной породы. Пристал к М, рысил за нею с настойчивостью заводной игрушки; с разбегу чувствитель- но тыкался мордой в ногу, скулил как плохо смазанное коле- со тачки; преследовал нас чуть не до самой проходной. Га- дая, как бы глупыша отвадить, чтоб не пришлось отгонять пинками – М это расстроило бы – я краем глаза заметил у проходной «Карнавала» автобусы и подумал: похоже, Л не солгала, в гостинице намечается корпоратив. Вот к чему

официантки готовили зал. Я сообщил об этом М, она хотела ответить, но тут нас окликнули. «Эй, это ваш волкодав?» Средних лет женщина, поначалу я принял её за горничную, но после понял – местная жительница. Шла навстречу, остановилась; склонясь к щену, протянула руку. М ответила ей. «Нет, прицепился в деревне». «Странно, – разглядывая зверя, пробормотала женщина, – вроде я всех сук в округе знаю; не помню, чтоб какая была на сносях. Где вы его нашли?» «Возле магазина» «А! Ну тогда понятно, чьё это чудо. Ну-ка, пойдём со мной. Эй, ты! Недоразумение!» Она выпрямилась, причмокнула пару раз, будто понукала лошадь, и продолжила путь, с нами не попрощавшись. Щен поскакал следом за нею валкой рысью. М сказала:

– Экая глушь, суки наперечёт. Но если действительно заехал корпоратив, в ресторан не протолкнёшься.

Я повернулся к гостиничному корпусу – забор не помеха, двор просматривался насквозь.

У входа людно было, толпа, притом одни женщины. Арку из шариковых сердечек возле входных дверей зачем-то устроили, однако на свадьбу непохоже. Что за фантазия кому-то пришла в голову: приурочить корпоратив ко дню святого Валентина и такую толпу женщин сvezти автобусами в медвежий угол, где даже суки наперечёт?

– Баню они займут, – раздумчиво сказала М, поглядывая на шляпу, венчавшую крышу ресепшн. – Ну-ка, пойдём-ка! Не я тащил её под руку, она меня. Скомандовала – пой-

дём-ка! – и увлекла за собою, как щена, но только я ведь не мохнатый глупый обрубок, кое-что понять способен. Не идёт у неё из головы утренняя история, и, хоть Луна состарилась и закатилась, придётся рассказать всё. Вот прямо-таки всё? Не так-то это просто. Я и сам до сих пор не понимаю, зачем...

Судя по выражению лица М, сауну у корпоративных дам она отвоевала. Надеюсь, хоть не придётся на голодный желудок.

13.02.2015, пятница, 14:05, «Карнавал», ресторана «Венеция»

В ресторан мы прорывались с боем через плотный строй гёрлов. Пока М изучает меню, запишу... О, господи! Этой только здесь не хватало. Откуда взялась? Вот несчастье!

Глава без номера

История с одним неизвестным

– Саныч! – крикнул экспедитор, водрузив кокакольную упаковку поверх двух других, с пепси и спрайтом. Рукавом отёр лоб, выглядел довольным: ещё одна точка и всё на сегодня. – Саныч, принимай!

Михаил Александрович Вяземский, частный предприниматель, пребывал на заднем дворе крохотного своего сельского минимаркета со звучным названием «Била Хата», занимался важным делом, требующим личного участия: за шашлыком глаз да глаз. Пришлось отвлечься, приём товара тоже не состоится сам по себе, Лидку-реализаторшу пришлось накануне уволить. Тяжёлые времена. Михаил Александрович вздохнул, отложил опахало, отставил бутылочку с разведённым яблочным уксусом и нехотя взошёл по трёхступенной лестнице в подсобку. Глянул на толстомордого, довольного Тёму, покачал головой и взялся сверять привезенное с заказанным, возя пальцем по накладной.

– Где тушняк в стекле? – спросил он строго.

Артемий глянул – нет ящика, – но не очень-то озадачился, сказал: «А, да, прощёлкал. Ща принесу», – и отправился за тушёнкой.

«Заныкать хотел? Непохоже на него, может и правда, про-

щёлкал. Рановато он расслабился, сегодня всего лишь четверг».

– Эй, ты чего?! – удивлённо заорал вдруг где-то там, на улице, Тёма. После уже со злобой: – Эй! Эй! Стой, зараза!

«Так орёт, будто ящик от него по углам нычится», – подумал Михаил Александрович.

– Стой, нищеброд! Ватник хренов! Догоню! Убью! – слышалось в отдалении.

Вяземскому стало интересно, за кем это, презрев обычную лень, гоняется Артемий. Он оставил подсобку; миновав торговый зальчик, вышел на крыльцо.

Тёма возвращался с пустыми руками, очевидно погоня не удалась. Щёки его горели огнём, он изрыгал проклятия. Добиться толку от него получилось не сразу, всё оборачивался через плечо и обкладывал по-чёрному похитителя.

– Две банки, а?! Упёр, с-сука! – с негодованием сообщил он, демонстрируя Вяземскому ящик. Тряс им с остервенением, будто оставшиеся банки были повинны в растрате.

– Ты остальное-то не раскокай. Занеси, – сухо посоветовал Михаил Александрович. – Машину можешь не закрывать.

– Ага, не закрывать!

– Я присмотрю.

– Сам занесёшь, – буркнул Артемий, выставив ящик на крыльцо. – Расплодили тут у себя ватников, сами теперь... Расписывайся.

– Я пишу четыре банки, а не шесть, – сообщил, расписываясь в накладной, Вяземский. – Ты прощёлкал, не я. Куда он делся, твой бомж?

– Мой?! – взвился Артемий. Вырвал из рук Вяземского ведомость, сопел носом, и видно: всерьёз его задело происшествие. – Откуда мне знать, где он в вашей сраной дыре квартирует?!

– Ты что же, догнать его не смог?

– Делать мне нехрен, бомжей гонять по выселкам! В переулок он свернул, к лесу. А ну как он там не один? Колорадов тут у себя развели... Ты чего лыбишься?! Думаешь, флаг вывесил – и все дела? Мы знаем, что вы тут умышляете. Погоди, Саныч, скажу кое-кому, не пришлось бы тебе...

Угрозу он до конца не довёл, грохнул дверью фургона, повозился с запором, залез в кабину, хлопнул дверцей и принялся терзать стартер утомлённой своей газельки.

Михаил Александрович не стал ждать, пока заведётся двигатель, закрыл обитую жестью дверь минимаркета. Подумавши задвинул засов. Откуда в четверг взяться покупателям? Кому надо из пришлых – пусть стучит, а местные – те знают, где искать хозяина.

– Саныч, ирод, ты сжечь его хочешь? – услышал он.

Припомнил – шашлык! – подумал – явились, голубчики. Решил: «Товар разберу после, ничего с ним не сделается», – и выскочил на задний двор. Лесники, Эльдар и Шура, встретили его агрессивно.

– Жертва всесожжения? – поинтересовался Эльдар, в прошлом историк, ныне кто-то там в лесхозе. Типичный дауншифтер.

– Ты чё, батя, нюх совсем потерял? – поддержал Шура, у коего из образования что-то среднее и корочки электрика.

Ни тот, ни другой, впрочем, к шампурам не прикасались, знали: за это можно по грабкам схлопотать от Саныча.

– Чего нюх, чего? – пробормотал Михаил Александрович, потянув носом. – Кипеш подняли на ровном месте. Всё как надо, в самый раз.

Он сгрёб шампуры, изобразив из них подобие двух павлиньих хвостов.

– Покупателя забалтывал? – спросил Эльдар, услужливо подставляя тазик, чтоб было куда снимать мясо.

– Товар принимал.

– И пивко, стало быть, к мясу будет у нас свеженькое, – голодно следя за манипуляциями Вяземского, вставил Шура.

– Хрен тебе, не мясо, – нелюбезно отозвался Вяземский, – если помидорок с лучком не нарубишь. И вообще, сегодня рыбный день.

– Рыбный – ещё туда-сюда, лишь бы не постный. Чего злой такой, батя?

«Лучше бы я сам помидоры нарезал, эта бестолочь и руки прорежет и нож сломает», – подумал Вяземский и ответил:

– С водилой погрызся, с Артемием.

– С Тёмкой, что ль? Чего этому бандере опять не так?

– Банки у него с тушнякам из машины спёрли. Две.

– Да, это, конечно, потеря немалая, – Эльдар хохотнул. –

Кто ж на такую дрянь позарился? В городе, на стоянке?

– Представь себе – прямо тут, возле магазина.

– Да ну?

– Вот тебе и ну. Бомж какой-то в фургоне шарил, пока Тёма сопли жевал у меня в подсобке.

– Никогда раньше такого не было, – заявил Эльдар.

«Ну как же не было, в девяностых каждую зиму на дачах кто-нибудь копошился. Косточка городская, ты тут без году неделя, а уже рассказываешь мне, что тут было и чего не было» – подумал Вяземский, но вслух не сказал.

– И не странно, – рассудительно продолжил Эльдар. – Устроили на востоке шабаш, теперь нахлебаемся досыта.

– Вот-вот, – поддакнул Шура, аккуратно опускаясь на выкрашенную в цвета государственного флага деревянную лавку. – Раздавили этот чиряк на востоке, теперь гной сюда потечёт, вот увидите. Так и скажи тому бандере, что если б не лезли они туда...

Вяземский перестал слушать. Рассуждения Шуры о внешней и внутренней политике лучше пропускать мимо ушей молча, дешевле выходит. Нельзя сказать, чтоб вполне успокоился, предчувствие близких неприятностей – мерзкая штука.

– Что же делать? – спросил он, прервав Шуру на полуслове.

– Ты про что?

– Про бомжей.

– Собаку тебе надо завести, батя. Как ты здесь без собаке-на, я не понимаю. Щенка во двор возьми, вчера я пару штук видел, тёрлись в тупичке у самого леса, меня проводили чуть не до моста, еле отвязался. Они дворняжные, но морды вроде как у ротвейлеров. Выкорми, выучи, будут тебе волкодавы.

«Шура хоть и дурак, а мысли у него бывают полезные, – думал Вяземский. – Охранников нужно брать щенками и воспитывать, чтоб выросли собаками, а не волками. Кстати об охранниках».

– Надо про бомжа намекнуть мухобоям из «Карнавала». У них повсюду видео, вдруг да поймают. Кто там сегодня?

– Какой-то новенький, я его не знаю, – сказал Эльдар. – Шура, ты помидров решил настрогать, чтоб на неделю хватило? Завтра Пётр заступает на сутки, скажу ему.

– Да, скажи. Пётр мужик внимательный.

– Ага, – поддержал Шура. – Внимательный. Жопу рвёт, выслуживается. Мне осенью ещё втирал, чтоб я не возил тачку с дровами по территории. Это что выходит, я должен три сотни метров кругаля давать?

«Вот дурак, – подумал Вяземский. – Но псину толковую завести надо бы. Сегодня обошлось, слава богу, банки этот у Тёмы попятил, а не у меня, но завтра может выйти по-всякому. Чтоб они провалились, и бандеры и ватники. И всегда-то зимой тут хоть вешайся, а теперь и вовсе кроме бом-

жей никого не будет, никаких тебе дачников. Даже «Карнавал» и тот, говорят, на одних корпоративах выезжает. Что дальше-то будет?

– Ну всё, Саныч, хорош жилы тянуть. Тебе бы аниматором наняться в «Карнавал». Жрать хочется, сил моих больше нет, – взмолился Шура.

– Благослови трапезу, – попросил Эльдар. Как и всегда, непонятно было, в шутку сказал или серьёзно.

Вяземский вздохнул и поднялся в подсобку, к холодильнику, где дожидались своего часа приготовленные загодя бутылки белого нефильтрованного.

Глава IV

Наблюдает Марина

Яша неподражаем. Казалось, никак не пробиться сквозь толпу расфуфыренных фифочек, гримз в боевой раскраске, сиятельных вроде бы как леди, угловатых девиц на выданье и бальзаковских дам – и я приуныла. Прикидывала, сколько понадобится времени, чтоб всем им втолпиться туда, рассесться, смести со столов съестное и очистить помещение. До тех пор в зал попасть нечего было и думать, да и после – когда ещё дойдёт очередь до нашего с Яшей заказа. Не меньше сотни голодных, агрессивно настроенных женщин, вдобавок у дверей угрюмый охранник; не судьба, значит, раньше чем через час отыскать, осторожно помешивая ложкой в горячей жиже (солянка мясная сборная), глянцевитую чёрную маслину или лунно-лимонную дольку. Так подумала я, сглотив слюну и голодно покосилась на Якова. Думала: «Не судьба», – но он решил иначе. Приосанился, меня взявши под локоть, и:

– Позвольте!

Как это у него получается вырасти и стать шире в плечах? Даже не осанка тому виной, голос. Не сказал, не выкрикнул. Басом (а не обычным своим тенорком) рокотнул так, что отшатнулись ближние, и я бы то же самое сделала,

но меня-то он держал за локоть. Всё-таки я дрогнула и глянула на Якова снизу вверх, когда выдал «позвольте!» и потащил меня сквозь толпу. Смотрел поверху голов, перед ним расступались. Кто-то всё же пискнул:

– В ресторан ещё не пускают.

– Нас пускают, – небрежно бросил Яков, не повернув головы, и снова басом:

– Позвольте!

Реплику рассчитал точно, толстушку, пританцовывавшую, как на ходулях, на шестидюймовых каблуках у самой двери, унесло напрямик в объятия скучающего охранника. Хоть какое-то бедняге развлечение, не всё же мучиться вприглядку. Пока страж был занят, а путь свободен, Яков распахнул дверь и церемонно пустил меня внутрь, затем вошёл сам – донельзя величественно. Но только лишь прикрыл дверь, напускная спесь куда-то делась. Лицемер! Тащил меня, как собачонку на привязи, и вот – нате: оглянуться не успела, роли переменялись. Пёсьими глазами ел угадывая какой желаю выбрать столик, определил верно – этот, который в стороне, слева, неподалёку от барной стойки, – проследовал туда, кинулся, выдвинул для меня стул и сам, дождавшись пока сяду, устроился против. Ох, Яшка! Носит меня рядом с тобою из крайности в крайность. Помыкаешь как рабой, будто имеешь право, но только замечу, только соберусь восстать... Понимаешь ли, что ты со мной делаешь? Намеренно ли, ненамеренно внушаешь: я – королева, а ты мой

раб, прочие же разновозрастные фифочки, гримзы и мымры просто не существуют. Точь-в-точь как было на плече Казачьей горы: отпустил меня, дал почувствовать холод одиночества, дал послушать в тишине, как тюкнул где-то в отдалении топор и вспорхнула птица и с шорохом посыпался снег, а после – о! Обнял. Я согрелась, стало мне наплевать с высокой кручи на стылый лес и топорные стуки и страшные чьи-то когтистые следы шириною с ладонь в снегу возле тропинки, – да потому что одиночество оказалось липовым. Лицемер! Но как же мне хорошо с тобою. Кажется, это называется близостью? Когда ты делаешь, что я хочу, раньше, чем я пойму чего хочу. Но может, ты каким-то непостижимым способом заставляешь меня захотеть того, что ты собрался со мною сделать? Надо разобраться пока не поздно. Близость близостью, однако никуда не годится, чтоб я растворилась в тебе, истаяла без остатка, точно рафинад в кипятке. Вот скажи, как ты понял, что выбрала именно этот столик, или как заставил меня захотеть выбрать? Почему выдвинул именно этот стул, будто знал, что хочу повернуться спиною к залу? Или ты сам решил оказаться лицом ко всем этим фифочкам, мымрам и гримзам, а меня заставил хотеть видеть только тебя? Заставил хотеть видеть, три глагола подряд. Только тебя. Два «т», поэтому и звучит так категорично. Категорический императив. Этого ты добиваешься? Чтобы свет на тебе сошёлся клином, даёшь понять, что я всего лишь половинка автора: описания, рефлексия, всякие там

трали-вали.

– Вы уже выбрали? – спросила официантка, быстроглазо поглядывая на меня-Якова-меня (Один заказ или два? Кто будет заказывать?)

Книжица-меню у меня, но и у Якова тоже. Он смотрит поверх пёстрого разворота, ждёт, чтоб сказала: выбери сам. И я чуть было не сказала. Опомнилась. Нет, дорогой, дудки.

– Нет ещё. Мы позовём, – сказал Яков.

Понял, что официантку хочу спровадить? Ловишь на лету, меня от чужих защищаешь. Чтоб видела только тебя. Но я не хочу быть половинкой! Интересно, получится ли хоть ненадолго освободиться?.. Дорогой мой Яков, ты просчитался, отсюда я вижу не только тебя. Официанточку, бармена и какого-то хмурого долговязого парня на табурете у стойки. Интересно. Будь я здесь одна, смогла бы определить кто он? Уткнулся в планшет, тычет пальцем. Ничто его больше не интересует. Попался в асоциальные сети.

– ...минут третьего! – раздражённо выкрикнули за моей спиной. Женщина.

Гомон, гул голосов. Какая-то дама распорядилась – пустила в зал толпу и выразила неудовольствие, что на сколько-то там минут задержался обед.

Яков, что-то писавший в блокнот, оторвался от этого важного занятия. Удивлён, на лбу морщины. Что-то поспешно накалякал в блокноте, спрятал его, глянул на часы и снова на распорядительницу. Что с ним? Голову втянул в плечи.

Затем сорвался с места и пересел. Зачем? В книжицу мою заглядывает, будто бы я совета просила. Но я-то ничего не просила, я-то вижу: не того ради пересел, чтоб ко мне поближе, а просто лицо прячет. От кого?

– Ну что, Маришка, ты выбрала? Позвать официантку? Ну же! – торопил Яков. – Что? Солянку ты хотела, да? Давай закажем, потому что...

Он что-то говорил, я невпопад отвечала, глаза на распорядительницу.

Средних лет яркая шатенка; поначалу мне показалось – крашенная, слишком уж апельсиновый цвет, но когда она, отчитав охранника, повернулась с хозяйским видом проследить, как, квохча и кудахча, рассаживаются подчинённые – или подопечные? очевидно же, она в курятнике главная! – я решила, что такая она и есть, натурально-пламенная, от макушки и до острых носков краснолаковых туфель. Выглядела как руководитель хора на репетиции. Вот сейчас захлопает в ладоши, чтоб унять ропот, поднимет руки, и...

Хористки и не думали смолкнуть. «И тогда я ему сказала...» «А вы на чьи мастер-классы записались, Инна?» «А он мне...» «Понимаете, Дашенька, не всё так просто» «Вот если бы от тебя это зависело: выбрать – что бы ты тогда?» «Но клуб совсем другое дело; понимаешь, что я имею в виду?» «А он – ни слова. Ну ни словечка в ответ. Ни гу-гу» «Если рассмотреть ваши отношения в таком ракурсе, получится...» «...признаки манипулирования. Очень важно распо-

знать вовремя. На этом я хочу особо заострить внимание...»

Странный корпоратив. Поначалу мне казалось, все они бухгалтерши разных калибров. Может, так оно и есть? Вывезли их за город, чтоб в непринуждённой обстановке познакомиться с новым программным обеспечением, провести семинары, тренинги или ещё что. Но разговоры не бухгалтерские. Кто же они? Гербалайф? Фармацевты? Признаки манипулирования... Психологи?

– Ты слушаешь или нет? – спросил Яков.

– Да, – ответила я.

– Что «да»?

Спрашивал, слушаю ли его. Я не ответила, потому что в зал вошёл кое-кто знакомый. Некто, кого я не ожидала увидеть. Яков, по лицу судя, тоже. Собирался от меня ответа добиться, проследил за взглядом и замер с открытым ртом.

Лена-Елена ворвалась в ресторан, прижимая к груди внушительную стопку брошюр. Успела переодеться, теперь была в джинсах и бесформенном свитере грубой вязки. Вид хипповый, но хаер... Попса, химия. Значок нацепила – большой, круглый, из тех, на которых обычно бывают глупости вроде: «Хочешь похудеть? Спроси меня как». Ей-то худеть незачем. Не бесплотна, но и не корова. Третий номер.

– Что такое, программки ещё не розданы? – всполошилась распорядительница – Ленчик, ну как же так?

– Сейчас, Елена Васильевна, – отозвалась Лена-Елена.

«Рыжая распорядительница, стало быть, тоже Елена. По-

чему Кохановский разнервничался? Кто-то ещё ему знаком, кроме Лены-Елены. Рыжая? На неё косился волком. С официанткой резковато общался. Для меня что-то заказал? Не помню, чтоб я... А, да. Наверное всё-таки сообщила, чего хочу съесть. Солянку, да. Какую-то пасту. Цезарь. Аве, цезарь! Который с сухариками. Идущие на смерть с хрустом приветствуют тебя. Интересно, что за макулатура у Лены-Елены? Программки, говорила рыжая Елена Васильевна. Надо бы раздобыть, тогда не придётся гадать что за корпоратив».

Лена-Елена с катастрофически отощавшей стопкой брошюр подошла к соседнему столику, накрытому на шесть персон. Никого, кроме Елены Васильевны, там пока не было. Раздобыть программку? Нет ничего проще!

– Лена! – позвала я. – Можно попросить?..

Яков глянул на меня как на безумную «Ты что? Зачем?» И снова втянул голову в плечи.

Обе Елены, рыжая и черноволосая, ко мне повернулись. «Рыжая старше, чем кажется. Сорок пять, не меньше».

– Можно попросить программу? – уточнила я.

– А я не дала вам? – удивилась подойдя Лена-Елена. – Вот, пожалуйста.

Я прочла у неё на значке: «Я не одинока!» Похвально, конечно, но зачем сообщать об этом каждому встречному?

– А вам? – обратилась она к Якову. – Не дала? Что-то не припомню.

– Нет. Мне не надо.

Деревянным голосом ответил, гипнотизируя взглядом остатки моей солянки. Всем дала, ему не дала, потому что ему не надо.

– Не интересуетесь программой занятий? Напрасно, вам бы не помешало. Возьмите программку.

Мне не понравилось, как она смотрела на Якова. Липучка. Яша тоже не был в восторге.

– Спасибо, нам хватит одной на двоих, – сказала я.

– Вы думаете? Ладно, как знаете.

Двусмысленно прозвучало это её «вы думаете». «Не думаю, а именно что знаю», – подумала я, но вслух не сказала. Кое-что лучше держать про себя, а не вывешивать на всеобщее обозрение, как делают некоторые я-не-одиночки.

Лена-Елена театрально отбыла. Уж не знаю, для кого старалась, для меня или Яши, если для него – впустую, уткнулся в – что у него там? – пельмени по-царски заказывал, запечённые в горшочке, с грибами и сыром. На название польстился: по-царски ему захотелось, но пельмень он и есть пельмень, хоть по-царски, хоть по-боярски, хоть по-людски. Падок до названий, словам придаёт слишком много значения, именам... Любая Елена у него обязательно Прекрасная по-троянски, но на деле-то пельмень, как его ни подай, в конечном счёте всего лишь пельмень. Вот так, Лена-Елена, если театральный выход на меня был рассчитан, пропал даром. И всё же я не смогла от театральщины отделаться, временами

на меня накатывало: казалось, не за ресторанным столом я, а в ложе. Рядом Яков, в соседней ложе тот хмурый, долговязый, который у стойки. На сцене, как дома у себя в столовой комнате, Елена Васильевна: рыжая, властная. Вырядить бы её арлекином! К столу павой подплывает Лена-Елена в нелепом свитере и тёртых джинсах. Два арлекина, не слишком ли много? Разве бывают арлекины женского рода?

Елена Васильевна. Ленчик, ты моих не видала?

Лена-Елена. Можно? *(не дожидаясь ответа, садится за стол против Елены Васильевны)* Приятного аппетита. Нет, ваших не видала, *(в сторону)* только одного моего.

Елена Васильевна. Приятного.

Лена-Елена. О да, во всяком случае раньше он казался мне приятным.

Елена Васильевна. Я про аппетит.

Лена-Елена. Это приходит во время еды *(принимается за еду)*.

Яков *(мрачно)*. Скорее проходит.

Марина. О чём ты?

Яков. Я про аппетит.

Марина. Что, не оправдали ожиданий пельмени? С ними всегда так. Тоже подслушиваешь? Забавная компания. Мастер-классы, занятия... Интересно: чему они учатся? Ты разгадал?

Яков *(раздражённо)*. Зачем гадать, ты же выклянчила

программку.

Марина. И то правда. *(кладёт ложку, оставляет пустую чашку из-под солянки, берёт брошюру, читает)* Клуб Одиноких Сердец. Это они так называются?

Яков. Да.

Марина. А ты откуда знаешь?

Яков. На арке с сердечками, что при входе, было написано. А на шариках адрес: эйттитипи тридаблью что-то там.

Елена Васильевна *(жует)*. Где же мои? А, вот и они, явились.

Я занялась своим «цезарем», поэтому и пропустила явление тех, кого Елена Васильевна назвала своими. Яков – тот заметил.

– Нет, ну это уже ни в какие ворота! – сказал он и с лязгом положил на стол вилку.

Я думала, в горшочке с пельменями отыскал что-то непотребное, но оказалось – не в том дело. Еда забыта, Яков, откинувшись на спинку стула, неприлично тарасился на вошедших.

– Не может быть! – бормотал он. – Как будто нарочно... Таких случайностей...

– ...не бывает, – подсказала я и оглянулась через плечо, решив, что поступила очередная порция женщин. Права оказалась лишь отчасти. Вошли трое: девчущка, девушка и седовласый мужчина – за пятьдесят, грузный, красно-

лицый, солидно-пиджачный. Девчущку я бы отнесла к разряду фифочек, но во-первых, не доросла – лет пятнадцать отроду, не больше, – во-вторых, в латиноамериканском карнавальное платье и босоножках на шпильках было ей неуютно. Сутулилась и поводила плечами, как будто под лопатку ей колола шпилька.

– Ди, тебе не холодно? – спросила Елена Васильевна.

– Мама! – огрызнулась девчонка, садясь по левую руку от неё. Стул выдвинула и придвинула со скрежетом; ворчала при этом: «Ненавижу, когда меня так называют. Всем это прекрасно известно».

«Чьё появление ввело Якова в ступор? Впрочем, уже опомнился, ещё чуть-чуть и станет привычно язвить. Кто же из них для Якова не лезет в ворота? Седовласый? Девочка? Или та, третья?»

Третью я как следует не разглядела, отметила только: длинноногая и длинноволосая блондинка скандинавского типа. Какая-то обесцвеченная вся. Времени она не теряла, шустро устроилась рядом с Леной-Еленой. На мой взгляд, двадцать пять ей уже стукнуло, но я бы не поручилась; вечно ошибаюсь в возрасте женщин, особенно если они анемичны.

– Владик, котик, – обратилась к седовласому Елена Васильевна, – Что так долго?

– Котик ей приходится мужем, – шепнул Яков, заметив, что прислушиваюсь к беседе. Опоздал с разъяснениями, кем они друг другу приходятся, я вижу. Не поняла только...

– С женщинами свяжешься, – добродушно прогудел седой котик.

– Настоящий полковник, – съязвил Яков. – Или под.

– Под чем? – не поняла я.

– Под полковником. Был.

«Не смешно».

– Но ведь это мы вас ждали, Владислав Вадимович! – выглянув из-за Лены-Елены возразила блондинка.

– З-зануда! – в сердцах прокомментировал Яков.

«Ага, вот чьё появление так тебя поразило».

– Леночка, вы не слыхали про эту, как её, копро... корпоративную этику? – бархатным басом мурлыкнул котик Владик. – Могли бы поддержать шефа.

«И эта тоже Елена? Вот странно: три Елены. Совпадений не бывает, сказал Яков, и я ему верю, однако...»

– Скучно, – заявил Кохановский. – Пойдём отсюда. Ну их к дьяволу вместе с корпоративной этикой. Смотри, они уже расходятся.

«Улизнуть собираешься, милый? Ну нет, теперь я хочу послушать».

Женщины сыто гомоня потянулись к выходу. Из-за них я перестала слышать, о чём говорят за соседним столом. Эти пятеро никуда не спешили.

– Вот и хорошо, что расходятся, – сказала я. – Я бы выпила чего-нибудь этакого. Есть у них мартини? Закажи, а?

«Официантку звать не стал, сам к стойке отправился.

Зачем? С долговязым болтает. Тот недоволен – отвлекли от планшета. Может, и вправду заскучал, может, я выдумала – про трёх Елен? Жаль, ничего не слышно из-за корпоративного кудахтанья».

Дамы разноголосо переговаривались: «...хотела его вернуть!» «Если яйцо разбить снаружи, жизнь прекращается, а если изнутри – начина...» «Сонечка, но это ведь так естественно» «Я не могу. Ну просто не могу себя заставить. После полуночи так хочется» «Фу! Противно слушать. Он просто ловкий манипу...» «Я бы сказала жиголо» «...лятор. Хочу спросить на занятиях, правильно ли я...» «Жиголо? А мне бы хотелось...» «Конечно, манипулятор. На мастер-классе я обязательно затрону этот вопрос».

Она затронет вопрос жиголирования, подумалось мне. Что у них за мастер-классы такие? В конце концов, зачем я разжилась программкой? Ну-ка, что тут... Клуб Одиноких Сердец. Мастер-класс «Сияющий внутренний ребёнок», тренинг первый: «Душа обязана трудиться». Хм-м. Не то. Что там дальше? Семинар «Знакомство – наше всё!» Лекции. «Знакомство – не цель, а средство» «Как познакомиться с программером» «Путь от расставания и одиночества к зрелым отношениям» Казалось бы, причём здесь... А, вот что-то про жиголо. Мастер-класс «Жиголо и жиголетта» Лекционный курс. Тренинги. Как всё тут у них серьёзно: эффект растворения кокона, эффект отмены, коррекция самооценки, признаки манипуляции... «Брось курить!» А, ну это уже

не жиголо с жиголеттой, из другой оперетты ария. Кому что: кому бросить, кому избавиться от. Вся наша жизнь – борьба с зависимостями. А я вот не знаю, надо ли избавляться.

– Твой martini, – услышала я.

На столе передо мною возник сияющий конус на тонкой ножке, диковинный прозрачный цветок. Другой такой же цветок Яков поднёс к губам, держа двумя пальцами за стеклянный стебель. Твой martini, сказал мой Яков. Как подпись под валентинкой: твой Мартини. Барный полусвет, преломлённый тонким стеклом, вычертил в конусе жидкости кардиоиду. Две кардиоиды, по одной на каждый бокал. Помнится, он говорил, бокка по-итальянски рот. Но кардио по-гречески сердце. cuore. Пригубить сердце – это так по-итальянски! Рим пригубил Грецию. Как ты любил? – ты пригубил... погубели. Не в этом дело... Как ты любил? – ты погубил, но погубил так неумело... Так ли неумело?

– Мастер-класс «Жиголо и жиголетта», – услышала я. Обернулась, как будто иглой кольнули. Девчонка Ди, листая брошюру, прочла вслух. После паузы громко спросила:

– Мама, что такое жиголо?

– Не что такое, кто такой, – поправила Елена Васильевна.

– Ленуся, – бархатно мурлыкнул пожилой котик Владик, – ребёнку это нахрена? Рано ей.

Так они сидели: девчонка Ди и рыжая Елена по одну сторону, Елена светловолосая и Еелена темноволосая – по другую, а во главе стола вальяжный, как холощёный кот, Влади-

слав. И – как нарочно! – шестое место пусто. Кого-то приглашали, а он не пришёл, обманул ожидания, спасся бегством. Удивительно, как они друг против друга диаметрально. Ди в попсовом прикиде, но с хипповым хаером, и Елена темно-волосая в бесформенном свитере, но с перманентом. Коломбина и Арлекин. По второй диагонали: Елена светловолосая и рыжая Елена Васильевна. Каждой коломбине по арлекину. А во главе – Капитан. Да что там капитан, настоящий полковник. Шестое место пусто. Не для того ли долговязого бригеллы приготовлено? А мы с Яковом... Пьеро и Пьеретта. Но девчонка Ди сказала...

Глава V

Карнавал. Мастер-класс «Жиголо и жиголетта»

(Одноактная костюмированная фантазия)

Ди *(Елене Рыжей)*. Мама, что такое жиголо?

Долговязый *(тыча пальцем в планшет)*. Изначально – наёмный партнёр для танцев, сегодня чаще – мужчина, предоставляющий услуги про... *(запинается, таращится в экран, будто не может поверить)*.

Елена Рыжая. Не что такое, а кто такой.

Владислав. Ленуся, ребёнку это нахрена? Рано ей.

Елена Рыжая. Да что ты, котик! А пятьдесят оттенков серости не рано? Ты же сам купил ей эту гадость, а потом ещё и потащил смотреть.

Долговязый *(зрителям)*. По запросу «пятьдесят оттенков серости» ничего не найдено. Возможно вы имели в виду «Пятьдесят оттенков серого».

Елена Тёмная *(хохочет)*. Пятьдесят оттенков серости – это в точку.

Елена Светлая. Не вижу ничего смешного.

Елена Тёмная. Просто ты не различаешь оттенков.

Елена Светлая. А ты... Ты вообще не смотрела!

Ди (*забавляясь*). Пятьдесят оттенков серости, пятьдесят оттенков сырости, пятьдесят оттенков дурости, пятьдесят оттенков старости...

Владислав (*укоризненно*). Доця!

Ди. Я-то вот из этой тупости как-то вдруг успела вырасти.

Марина (*негромко, раздумчиво*). Не похожа ни на мать, ни на отца.

Ди. Хотите ли, не хотите ли – бросьте-ка даром мучиться. Поздно спохватились, родители, ранить меня не получится. (*тянет паузу*) Ну? Мне ответят сегодня, кто такой жиголо?

Владислав. Хм-м... Как тебе объяснить? Иногда мужчина не нужно от женщины только одно.

Ди. Затащить в постель? Мне казалось, мужчине это нужно всегда.

Елена Светлая (*мечтательно*). Если бы!

Елена Тёмная (*издевательски*). Иногда не всегда.

Елена Рыжая (*философски*). Как когда. Иногда никогда.

Владислав (*раздражённо*). В постель ему как раз не нужно. Его интересуют только деньги. Правильно я говорю, Ленусик?

Ди. Так он альфонс? А я-то думала... Это скучно. Жиголо – такое красивое слово!

Долговязый (*зачитывает с планшета*). Альфонс. Мужское имя. Английское написание и звучание имени включает также «Alphonzo», пришедшее из готского языка...

Елена Рыжая (*Владиславу*). Не только деньги, дорогой

мой альфонсик. Знала я одного жиголо – тот был игрок.

Владислав. Ты про того, который обчистил тебя и бросил одну в Италии?

Яков (*шепчет*). Господи, только не это!

Марина (*Якову*). Что? Ты что-то сказал?

Ди. Без денег, одну? Как интересно! Ма, расскажи, а?

Яков (*Марине, обречённо*). Ничего.

Елена Рыжая (*Владиславу*). Рассказать?

Елена Светлая. Расскажите, Елена Васильевна.

Елена Тёмная. Да-да, и со всеми подробностями. Я-то в курсе, но... (*косится на Марину*) пусть девочка послушает.

Владислав (*откидывается на спинку стула, по-наполеоновски скрестив руки*). Давай, Ленусик. Я люблю эту рассказку.

Елена Рыжая. Ладно, дело прошлое, слушайте про Андроэ. Была я от него без ума: красив как чёрт и красиво ухлёстывал. Не просто конфеты-букеты-шампанское – угадывал желания, схватывал на лету. Говорил, мечтает купить для меня виллу на побережье Адриатики, мне стоит только указать где. Деньги не проблема, скоро у него выгорит верное дельце – тяжба за наследство или что-то вроде того, – он не вдавался в детали, а я не настаивала. Что может быть скучнее судебного разбирательства? Но вилла на Адриатике!.. Я никогда там не была, как же выбрать? Он говорил: ну разве можно что-то понять по фотографиям, нужно обязательно побывать там, чтобы проникнуться. Вот хотя бы Италия...

Как он про страну рассказывал! Ну просто хотелось тут же взять две. Мне вот эту, с миском и черепичными крышами, и ту, с островерхой ратушей, пожалуйста. Пока тянулись какие-то там судебные разбирательства, с деньгами у него было туговато. Ну, это же временно! Ждать я не могла. Мы обратили всё моё имущество в деньги и... Представь себя на моём месте, Ди. Человек, которого ты боготворишь, везёт тебя в сказочную страну на берег тёплого моря, а там виллы, виллы, виллы, – и одна вот-вот станет твоей. Ты влюблена, глупа как голубка.

Ди. Я – и вдруг коломбина? Трудновато представить, но попробую. (*щёлкает пальцами*)

На тыльной стене, поверх венецианской панорамы разворачивается киноэкран. Под дребезжащий фортепианный проигрыш и проекторный треск по мерцающему прямоугольнику ползут титры.

Commedia dell'arte

«Кому везёт в игре?»

пантомима

Автор: Елена Рыжая

В ролях:

Закадровый Голос: Елена Рыжая

Панталоне: Некто, назвавшийся Андрэ

Коломбина: Девчонка Ди

Арлекин: Елена Тёмная

В роли Пьеро...

Плётка в кинопроекторе рвётся. Свист, топот, выкрики: «Сапожник!». Треск проектора, фортепиано. Средиземноморские слайды, на их фоне разыгрывается пантомима.

Слайд. Приморский городок, вид сверху. Крыши цвета охры, как будто горсть горшечных черепков, островерхая башня с часами, в гавани лес мачт.

Панталоне чинно, с хозяйским видом вводит Коломбину, делает всеохватный жест. Коломбина в восхищении.

Слайд. Трёхэтажный старый дом белого камня, на окнах деревянные жалюзи.

Панталоне и Коломбина рука об руку подходят ближе, Коломбина всматривается.

Закадровый Голос.

Словения, некрупный город Пиран.

Слайд. Тот же дом с близкого расстояния, вывеска: Hotel
**** «Piran»

Коломбина указывает на вывеску, пожимает плечами,

она удивлена.

Закадровый Голос.

Ты обещал Италию, мой милый!

Панталоне энергично кивает, прикладывает руку к сердцу.

Закадровый Голос.

Сей час, когда поступят деньги...

Слайд. Площадь Сан-Марко, голуби.

Закадровый Голос.

...мы поплывём в Венецию, родная.

Паром туда уходит ежедневно.

Панталоне становится на одно колено, прижимает руку к груди, другую руку протягивает Коломбине.

Закадровый Голос.

Как я люблю тебя, моя голубка!

Я для тебя достану звёзды с неба —

Четыре штуки, ровно столько,

Чтоб на гостиничную вывеску хватило.

Коломбина подаёт Панталоне руку.

Закадровый Голос.

Пойдём же в номер, я истосковался,
А после можем прогуляться к морю.

Коломбина смущена, прячет лицо в ладонях. Панталоне, вскочив, хватает Коломбину на руки; широко шагая, делает круг по сцене. Из-за кулис выглядывают Арлекин и Пьеро, показывают друг другу пальцами на парочку влюблённых идиотов, энергично жестикулируют. Панталоне уносит Коломбину за кулисы.

Слайд. Терраса с видом на море.

Арлекин и Пьеро выскакивают из-за кулис, таща стол и три стула. Расставляют мебель, усаживаются друг против друга. Арлекин достаёт колоду карт, тасует, сдаёт. Пьеро и Арлекин начинают игру, азартно шлёпая картами. Из-за кулис в обнимку выходят Панталоне и Коломбина. Панталоне, заметив игроков, останавливается, Коломбина тянет его за руку.

Закадровый Голос.

Пойдём же, полюбуемся закатом!

Панталоне высвобождается, мелкими шажками приближается к игровому столу, точно под гипнозом следя за движением карт. Коломбина разводит руками.

Закадровый Голос.

Что значит, завтра тоже будет вечер?!
Ведь ты же говорил, что завтра
Мы поплывём в Венецию, где солнце,
По слухам не заходит даже ночью!

Пьеро проигрывает, бросает карты. Арлекин вскакивает; хохоча, лихо вытанцовывает вокруг стола, отвешивает Пьеро подзатыльник, усаживается, победно смотрит на Пьеро.

Закадровый Голос.

К тебе Фортуна повернулась задом?
Зато ко мне – зубами золотыми,
Так ты не жмись, а сунь ей в зубы
Кой-что зелёное – с приятным хрустом.

Пьеро в отчаянии ломает руки, лезет в карман, вынимает деньги, считает. Панталоне, следит за счётом с от-

висящей челюстью. Арлекин хватает деньги, демонстрирует Панталоне.

Закадровый Голос.

Мой приз! Обчистил неумёху.

Пьеро хлопает ладонью по столу, достаёт из кармана ещё одну пачку, швыряет на столешницу.

Закадровый Голос.

Не дочиста. Желаю отыгаться!

Арлекин скалится, добавляет в банк только что выигранные деньги.

Закадровый Голос.

Да на тебе уже природа отыгралась!

Не дочиста? Изволь, дочищу чище.

Арлекин поворачивается к Панталоне, делает приглашающие жесты.

Закадровый Голос.

Садись, ощиплюм вместе дурачину,
Знать, дурачине перья не по чину.

Панталоне с готовностью садится, Коломбина подходит и становится у него за спиною. Начинается игра. Панталоне выигрывает, неумело танцует вокруг стола, отвечает Арлекину и Пьеро по одному подзатыльнику, усаживается. Сгрэбает деньги, тасует колоду, начинает раздавать. Коломбина кладёт ему на плечо руку, пытается заглянуть в глаза.

Закадровый Голос.

Мой друг, уж солнце закатилось,
А мы хотели к морю прогуляться.
Пойдём, мне очень хочется увидеть,
Как в воду тёмную глядятся звёзды.

Панталоне, увлечённый игрой, сбрасывает с плеча помеху, как сбросил бы опавший кленовый лист.

Закадровый Голос.

Я говорил, что с неба их достану?
Не видишь, исполняю обещанье.
Достал уже двенадцать тысяч!..
Иди сама. Там холодно и сыро.

Коломбина понуро отходит в сторону, поворачивается к игрокам спиной и молитвенно складывает на груди руки.

Слайд. Полнолуние над спящим морем.

Пьеро бросает карты, встаёт из-за стола, демонстративно выворачивает карманы. Арлекин и Панталоне вскакивают, отплясывают вокруг него, по очереди отвешивая проигравшемуся подзатыльники, потом пинками прогоняют прочь. Разделив деньги снова садятся играть. Пьеро воровато оглядывается, возвращается на цыпочках. Приосанившись, подходит к Коломбине.

Закадровый Голос.

Склонилась к морю гордая Селена.
Ей, как и вам, бедняжке, одиноко.
Как звать мою красавицу? Елена?..
В такую ночь оставить вас – жестоко.

Пьеро устраивается у ног Коломбины, глядя на неё снизу вверх. Тем временем игра продолжается. Панталоне победно открывает карты. Арлекин с усмешечкой выкладывает свои на стол одну за другой. Панталоне смотрит на расклад так, будто увидел собственную смерть. Арлекин смешивает карты, медленно выбирается из-за стола, отшивыливает стул ногой, упирает руки в бока.

Закадровый Голос.

Что значит, денег нету расплатиться?
К утру найди, а ежели не сыщешь,
Исчезни с глаз по-тихому, иначе
Тебя я познакомлю с канделябром.

Панталоне выскальзывается из-за стола, пятится. Арлекин топает ногой. Панталоне бросается прочь крысьей побегской, исчезает за кулисами. Арлекин возвращается к столу, собирает и пересчитывает деньги. Тем временем Пьеро, бережно придерживая Коломбину под локоть, обводит вокруг сцены.

Закадровый Голос.

Он вашего мизинца недостоин!
Где есть обман, последует измена.
Ничтожество, картёжный воин...
Покойной ночи, милая Селена.

Пьеро с поклоном провожает Коломбину за кулисы. Потирая руки, возвращается к столу. Арлекин и Пьеро делят деньги, с размаху хлопают друг друга ладонью в ладонь; прищипываясь расходятся в разные стороны.

Слайд. Терраса с видом на море, восход.

Коломбина появляется из-за кулис, зевая и протирая глаза. Останавливается возле стола, по которому в беспорядке разбросаны карты, переводит взгляд на опрокинутый стул. Она огорошена. К ней устремляется Пьеро, становится перед ней на колени, завладевает её руками.

Закадровый Голос.

Луна моя! Он проиграл вас в карты?
О, лучше жизни суетной решиться,
Чем наблюдать, как низкому азарту
Паяц потворствует и как вершится
Надежд крушение. Он не мужчина!
Но – боже правый! – Мне не снится,
Что с негодя сорвана личина
И я могу с Луною объясниться?

Пьеро уводит Коломбину за кулисы, бережно придерживая под локоть.

Слайды. Один за другим сменяются венецианские виды.
Арлекин, потрясая пачкой денег, пляшет, сладострастно извивается, дёргается подобно марионетке, заканчивает танец скабрёзным жестом.

Закадровый Голос. La commedia è finita

Крест, цифры, белое мерцание, экран гаснет. В наступившей тишине слышно, как с гробовым стуком падает крышка фортепиано

Елена Рыжая (*элегически*). О-о... этого я не забуду. Он выполнил чужое обещанье. Венеция прекрасна в мае: Сан-Марко, голуби, каналы... Ущербная луна над Ка д'Оро...

Ди: Но мама! Ты ведь говорила, что с папой познакоми-
лась...

Елена Рыжая (*опомнившись*). Конечно. (*собирается с мыслями*) Там я встретила твоего папу.

Владислав. В Венеции, возле... как эту штуку называют? Кампа... Короче, возле колокольни. В толпе на площади нищелюб сунул записку, похоже с кем-то перепутал. (*Елена*) Не помнишь, что там было? «Жду в полдень возле кампа...» Выскочило напрочь, как у них называется колокольня. Смешная такая писулька, в стихах, но по-русски. Подпись Эс Елена. И вот, доця, ровно в двенадцать я как штык торчу возле колокольни; суюсь ко всем подряд, мычу как глухонемой и пальцем тычу в записку. И вдруг нахожу твою мать.

Марина. Не представляю его в роли Пьеро.

Яков. Ну какой из него Пьеро? Этот – настоящий...

Марина. Полковник?

Яков. Капитан. В комедии дель арте он был всего лишь капитаном.

Марина. Плох тот капитан, который не мечтает.

Владислав. Понимаешь, доця, я просто обязан был что-то сделать, хоть это и санти... ментально.

Елена Светлая. Сентиментально.

Елена Тёмная. Скорее романтично.

Владислав. Без разницы. Слова ничего не стоят. Настоящий мужик делает, а не говорит, и я сделал.

Елена Рыжая (*игриво*). Ты мой котик! Через девять месяцев родилась ты, Ди.

Ди (*считает*). Май, июнь, июль (*сбивается*). Но как же...

Елена Рыжая (*перебивает*). Вот и вся история. Теперь понятно, кто такой жиголо?

Ди. Непонятно другое. Как ты попала в Венецию, если Андрэ бросил тебя в Пиране без денег?

Елена Рыжая. Как-то попала. Не помню. И хватит об этом.

Ди. Ну нет. Я не понимаю.

Елена Рыжая. Что тут непонятного? Он только затем поездку затеял, чтобы промотать мои денежки. Это ему удалось. Андрэ – жиголо, бессердечный манипулятор.

Ди. Андрэ?

Яков. (*бормочет*) Глупышка.

Марина. (*Якову*) Которая из них?

Елена Тёмная. По-моему, вы к нему несправедливы, Елена Васильевна. Мне кажется, Андрэ прос...

Владислав. (*подхватывает*) Простатит... тьфу! Чур меня. Я хотел сказать, проститут.

Елена Тёмная. Простейшая разновидность болванчика.
Владислав (*самодовольно*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.